

ПУТИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ НАЗВАНИЙ ПТИЦ РАЗЛИЧНОЙ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ

Близкое родство русского и белорусского языков в генетическом, фонетико-графическом, лексико-грамматическом и структурно-семантическом отношениях, а также тесные контакты между ними на современном этапе предполагают большое сходство их терминологических систем. Произведенное нами сравнение 710 пар современных названий птиц в русском и белорусском языках [1], показывает, что, несмотря на подавляющее большинство совпадающих в структурно-семантическом отношении номенклатурных единиц, в русской и белорусской орнитологических подсистемах имеется 174 названия, отличающихся друг от друга в структурном и семантическом отношениях.

О количественном соотношении русских и белорусских орнитонимов различной структуры говорит следующая таблица.

		Русская подсистема орнитонимов	Белорусская подсистема орнитонимов
Однокомпонентные названия (в т. ч. дублиеты)		235	168
Аппозитивные сочетания (в т. ч. дублиеты)		29	87
Атрибутивные сочетания (в т. ч. дублиеты)	двухкомпонентные	424	403
	трехкомпонентные	23	8
Генитивные сочетания (в т. ч. дублиеты)	двухкомпонентные	10	9
	трехкомпонентные	3	2

Среди **однокомпонентных** названий в анализируемых подсистемах можно выделить а) номены-паралексы – названия, обладающие относительным формальным сходством благодаря общности корня, но различающиеся фонетическим и морфологическим оформлением (*рябчик* (рус.) – *арабок* (бел.), *глухарь* (рус.) – *глушэц* (бел.), *щур* (рус.) – *шчурок* (бел.)); б) номены-гетеролексы – разнокорневые названия, как правило, различающиеся и морфологическим оформлением (*камышница* (рус.) – *чаротніца* (бел.), *чибис* (рус.) – *кнігаўка* (бел.), *зарянка* (рус.) – *малінаўка* (бел.)).

Русским однословным орнитонимами соответствуют также белорусские сложносоставные названия-эквиваленты с первой частью, обозначающей род, к которому относится птица, а второй – являющейся а) паралексом русского односложного названия (например, *гуменник* (рус.) – *гусь-гуменніца* (бел.), *черныш* (рус.) – *кулік-чарняк* (бел.)); б) гетеролексом русского односложного названия (например, *беркут* (рус.) – *арол-маркут* (бел.), *береговушка* (рус.) – *ластаўка-зямянка* (бел.)).

В белорусских атрибутивных сочетаниях, соответствующих русским однокомпонентным орнитонимам, наиболее часто предпочтение отдается а) родовым названиям-существительным, являющимся гетеролексами для русских названий (например, *деряба* (рус.) – *шэры дрозд* (бел.), *лазоревка* (рус.) – *сіняя сініца* (бел.)); б) существительным-гетеролексам, являющимся кальками русских названий (например, *бормотушка* (рус.) – *паўночная мармытуля* (бел.), *дубонос* или *обыкновенный дубонос* (рус.) – *звычайны таўстадзюб* (бел.)). Случаи, когда прилагательное присоединяется к существительному-паралексу, в современной белорусской орнитонимике довольно редки (например, *гоголь* (рус.) – *звычайны гогаль* (бел.), *желна* (рус.) – *чорная жаўна* (бел.)), *юла*, или *лесной жаворонок* (рус.) – *баравы жаўрук* (бел.).

Названия, представляющие собой **аппозитивные сочетания** в обоих языках, могут состоять из компонентов, являющихся а) паралексами (например, *погоныш-крошка* (рус.) – *пагоніч-крошка* (бел.), или б) гетеролексами (например, *чирок-свистун* (рус.) – *качка-цыранка* (бел.), *славка-завирушка*, или *славка-мельничек* (рус.) – *леска-завірушка* (бел.)).

Влияние русской системы наименований птиц на белорусскую четко просматривается в тех парах-коррелятах, когда одному из русских орнитонимов-дублетов соответствует белорусский орнитоним-калька (например, *пестрый американский дрозд*, или *дрозд-отшельник* (рус.) – *дрозд-пустэльнік* (бел.); *веерохвостая камышевка*, или *славка-портниха* (рус.) – *леска-швачка* (бел.)) а также когда белорусское аппозитивное сочетание составлено из существительных, входящих в русские атрибутивные сочетания орнитонимов-дублетов (например, *европейский кеклик*, или *каменная куропатка* (рус.) – *курапатка-кеклік* (бел.))

В некоторых случаях наблюдается четкое соответствие между прилагательным в русских орнитонимах и существительным, выступающим в роли приложения, в белорусских названиях птиц (например, *каролинская утка* (рус.) – *качка-каралінка* (бел.), *камышовая овсянка* (рус.) – *стрынатка-чаротаўка* (бел.)).

Обратное соотношение, когда белорусскому атрибутивному словосочетанию соответствует русское аппозитивное сочетание, сравнительно редко (например, *журавль-красавка* (рус.) – *стэпавы журавель* (бел.), *клет-сосновик* (рус.) – *сасновы крыжадзюб* (бел.)).

В целом особенностью белорусской номенклатурной подсистемы орнитонимов по сравнению с русской является гораздо большее количество аппозитивных сочетаний. Некоторые из них обладают бесспорной оригинальностью, демонстрируя национальную самобытность белорусской орнитологической номенклатуры (например, *морская чернеть* (рус.) – *нырок-плёсаўка* (бел.), *серая утка* (рус.) – *качка-перазня* (бел.)).

Русским **двухкомпонентным** орнитонимам, имеющим структуру атрибутивных словосочетаний, в белорусской номенклатурной подсистеме также могут соответствовать сложносоставные слова. При этом в большинстве случаев имеется корреляция между существительными-паралексами в составе русских атрибутивных и белорусских аппозитивных сочетаний (например, *красноголовый нырок* (рус.) – *нырок-сівак* (бел.), *ястребиная сова* (рус.) – *сава-бярозаўка* (бел.)).

Сопоставление соотносительных пар белорусских и русских орнитонимов – атрибутивных сочетаний показывает, что среди них выделяются три группы: а) с существительными-гетеролексами: *золотистая ржанка* (рус.) – *залацістая сеўка* (бел.), *обыкновенный козодой* (рус.) – *звычайны ляляк* (бел.); б) с прилагательными-гетеролексами: *трехпалый дятел* (рус.) – *жоўтагаловы дзяцел* (бел.), *горный индийский гусь* (рус.) – *чорная гусь* (бел.); в) с существительными-гетеролексами и прилагательными-гетеролексами: *черноголовая гаичка* (рус.) – *сівая сініца* (бел.), *серый сорокопут* (рус.) – *вялікі грычун* (бел.)).

О более упорядоченном характере белорусской номенклатуры говорит небольшое по сравнению с русской количество синонимических названий, или дублетов (9 и 93 единицы соответственно) (например, *белаплямістая валасяніца* (бел.) – *полуошейниковая му-*

холовка, или *кавказская мухоловка-белошейка* (рус.), *малы гогаль* (бел.) – *малый гоголь*, или *головастик* (рус.), *курапатка-кеклик* (бел.) – *европейский кеклик*, или *каменная куропатка* (рус.)).

Таким образом, общая тенденция развития языков к компактности находит свое отражение в сравниваемых номенклатурных терминологиях. Процесс упорядочения орнитологических подсистем двух языков проявляется в следующих тенденциях: 1) использование исконных названий при параллельном существовании калек с латинского языка; 2) замена одно- и трехсловных орнитонимов двухсловными. Субстантивные композиты и атрибутивные словосочетания являются наиболее употребительными структурами как русских, так и белорусских орнитонимов. При этом белорусская орнитонимика в значительной мере ориентирована на поддержание смысловой связи с русской и при этом является более упорядоченной в плане структуры номенклатурных терминов. Использование метафорического переноса при образовании орнитонимов, а также метонимии, является результатом развития общеупотребительной лексики русского и белорусского языков.

1. Птушкі Еўропы: палявы вызначальнік / агульн. рэд. М. Нікіфараў. – Варшава, 2000.